

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ XIII

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ГРЕЦИИ И БОЛГАРИИ: РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР БЕССАРАБИИ

Коч Светлана

Северное побережье Черного моря – это регион устойчивого транскультурного взаимодействия. Вместе с Балканами это пространство может выступать иллюстрацией для исследований факторов цивилизационного и этнического влияния на геополитические процессы в прошлом и настоящем.

Глубинные механизмы взаимодействия между субъектами региональных геополитических отношений в Бессарабии, всегда опирались на преимущества, которые предоставлял им статус «периферии». Прежде всего, речь идет о традициях «контактного пространства», «пространства межкультурной коммуникации», «транзитного региона» и др. Именно такие, всегда удаленные от центров регионы удобны для обмена людьми, товарами, идеями, знаниями.

Периферийное пространство часто становится местом, где формируются диаспоры «катаклизмы». Это происходит в условиях, когда «подвижные» политические границы превращают единые культурные ареалы в набор разрозненных локальных групп, которые испытали на себе различные *модели нациестроительства*. В результате они либо утратили культурную специфику, либо выработали такие формы группового (диаспорного) поведения, которые позволяют манипулировать идентичностями в соответствии с политической конъюнктурой.

В данной статье представлен анализ влияния этнических диаспор на процесс формирования национальных движений в Болгарии и Греции. Акцент сделан на такой форме диаспорного поведения, при которой группы смогли выступить в качестве хранителей «культурной матрицы», стали местом формирования идей возрождения своих культур и государств.

Данной работе предшествовали публикации, которые описывали геополитические [15] и функциональные [23] особенности региона. Эти работы раскрывают особенности Бессарабии как транзитной и контактной зоны, которая расположена между несколькими геополитическими центрами. Исследовались условия, при которых диаспоры в политическом пограничье вынуждены формировать такие социальные практики, которые позволили бы им эффективно лоббировать свои интересы [24].

Серия публикаций касалась различных аспектов изучения диаспор Юга Украины: особенности языковой среды [16], адаптационные стратегии в местах компактных поселений [12] и в городах [19], особенности поведенческих моделей и идентификационных практик локальных этнических диаспор [22]. В этих работах внимание фокусируется на региональных практиках адаптации, которые характерны местным этническим группам.

Исследования были ориентированы на анализ особенностей локальной идентичности в ситуации перманентного социально-политического кризиса, в котором развивались [14; 18]. Греческая и болгарская диаспоры Юга Украины сформировали специфические социальные практики презентации своих групп, которые были ориентированы, с одной стороны, на сохранение уникальных черт [21], с другой, на поддержание условий, при которых возможна быстрая трансформация индивидуальной идентичности как тактика адаптации [17] и поддержание способности группы лоббировать интересы в принимающем социуме [24]. Таким образом, исследование диаспор греков и болгар, как субъектов национального строительства в своих государствах, является логичным продолжением предыдущих работ.

Роль, которую сыграли этнические диаспоры в период возрождения своих наций, обусловила постепенное развитие взаимосвязанных сетевых структур транснациональных и национальных институтов. Опора диаспор на такую систему связей, позволяет им выступать в качестве самостоятельных субъектов политических процессов. Поэтому данная работа ориентирована на исследование системы взаимодействия между диаспорами и национальным государством, при которой субъектность диаспор предшествовала появлению национального государства.

Утрата независимого развития балканскими народами в XIV – XV веке прервала ход естественного развития их наций и привнесла в этот процесс целый ряд особенностей. Прерывание процесса национализма обычно связано с изменением векторов национальной памяти,

с конструированием и «достраиванием» утраченных и прерванных информационных связей в ситуации потери независимого развития. Процессы национального возрождения, которые активизировались в XVIII веке на Балканах, и борьба за самоопределение требовали восстановления целостности истории угнетенных народов и обеспечение преемственности с поколениями прошлых периодов.

Восстановления целостности традиции предполагает с одной стороны, обращение к наиболее архаическим из сохранившихся пластов социальной культуры; с другой – требует «воссоздания» утраченных элементов социальной и культурной систем [25].

Восстановление независимости и государственности Греции и Болгарии началось с актуализации этического и формирования национального самосознания этих народов в наиболее крупных диаспорах, которые сформировались в Северном Причерноморье в XVIII в. Эти этнические группы выступили хранителями наиболее полного этнокультурного комплекса, который обеспечил «возвращение» к истокам (религии, языку, бытовым приоритетам). Собственно, образование диаспор болгар и греков совпало с периодом их национального возрождения и сделало возможным организацию национально-освободительных движений на их Родине.

Северное Причерноморье и Бессарабия – это пространство политического и культурного пограничья. До XVII в. эти территории на средневековых западноевропейских картах обозначали как «Loca Deserta» (пустое место) [23]. Спорное пространство, которое не знало стабильных государственных границ после установления «Вестфальского мира» стало ареной длительных конфликтов между крупными империями: Речью Посполитой, Османской и Российской. Сформулированная «Вестфалем» идея национального государства, его суверенитета в пределах национальных территорий, побуждала империи к расширению. Конкурирующие политические центры реализовывали в отношении спорной периферии геополитические и культурные проекты, которые должны были легитимизовать их право на присутствие и управление. В качестве объектов приложения таких политик «покровительства» выступали родственные этнические группы, которые способны были удовлетворить политические интересы геополитических игроков.

Войны XVII – XIX в. радикально изменили этническую и социальную структуру в Северном Причерноморье. И хотя Бессарабия в этот период представляла собой край, разоренный войнами, с редким населением, слабость государственного присутствия сделала привлека-

тельной для многих групп переселенцев из Дунайских княжеств, Речи Посполитой, России, Австрии. Сюда охотно устремлялись христиане из Османской империи (греки, болгары, гагаузы), немцы, швейцарцы, евреи с территорий Герцогства Варшавского и Юго-Западной Германии. В конце XVIII в. Бессарабия фактически была разделена на молдавскую, турецкую и ногайскую зоны управления [33].

В результате нескольких Русско-Турецких войн эти территории стали частью Российской империи и православного мира. Получив Северное Причерноморье Россия нуждалась в лояльном, близком по культуре населении, которое может освоить пустующие целинные земли. Протекционизм государства имел целью: хозяйственное освоение территории; заселение пограничья группами, которые лояльны к власти; организацию геополитического коридора на Балканы. После формирования здесь крупных этнокультурных группы греков, болгар, гагаузов, албанцев этот регион часто называют частью «Больших Балкан».

Особенности развития диаспор греков и болгар в Причерноморье, динамика социальных статусов на протяжении их этнической истории позволяет представлять их в разном качестве: как трудовые – мобилизованные диаспоры; как исторические диаспоры или диаспоры «катаклизма».

Политика протекционизма России в отношении иностранных колонистов была закреплена в десятках Манифестов и Указов. Начало этому процессу положили «вызывной» Манифест Екатерины II, 1762 г. и Манифест о даруемых иностранным переселенцам привилегиях и преимуществах, 1763 г. [27]. В последствии государственная политика «покровительства» закреплялась такими документами как: Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных поселенцев 1763 г.; Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских поселенцев 1795 г.; Указ о преимуществах водворяющихся в Новороссийской губернии вышедших из Турции греков и болгар, 1802 г.; Указ о правилах принятия и водворения иностранных колонистов, 1804 г.; Указ О поселении в Бессарабской области болгар и других задунайских переселенцев, 1819 г.; Положение об управлении колониями юга России, утвержденное Александром I, 1818 г.; Указ о призрении и устройстве выходящих в Россию болгар и других «единоверцев», 1830 г. [34].

Кроме того, для внутреннего управления этнических общин длительное время сохранялись нормы обычного права [9]. Так, после 1812 г. в крае пропагандируется идея широкой автономии. Александр I

Указом от 23 июля 1812 г. объявил, что жителям Бессарабской области «предоставляются их законы», право широкого самоуправления в рамках российских законов. Таким образом, колонисты, к которым относились группы болгар и греков составили привилегированную часть населения Империи. Предоставляемые льготы обеспечивали приток следующих волн переселенцев и закрепляли их лояльность к власти.

Коллективное право на социальное и культурное пространство, «позитивная» дискриминация со стороны государства стали одним из условий сохранения активной этнической идентичности в группах. Кроме того, этому способствовали: групповая адаптация (*большинство земледельцев-переселенцев сохраняли общинную структуру*), значимый социальный и демографический ресурс, анклавное, кустовое расселение.

В целом, образование диаспор греков и болгар носило прагматический характер. Они воспринимали переселение как «внутреннюю» миграцию в пределах «своего» культурного ареала. Так, исторически обе группы были связаны с данной территорией. Для греков эти территории были знакомы с VII в. до н.э. (*период греческой колонизации Северного Причерноморья*). Для болгар это территории раннего этногенеза с VII в. н.э. (*история Кубратовой Болгарии и Первого Болгарского царства связаны непосредственно с историческими корнями этого народа*). Такое положение делало возможным в процессе формирования национальной концепции апеллировать к истокам, осуществлять отбор «востребованных» элементов для конструирования позитивного образа нации, без которого не мыслимо ее «возрождение».

Обе группы имели длительный опыт и исторические связи в «принимающей культуре». Начиная с IX в., основой высокого положения этих «единоверцев» в России были принадлежность к церковной и политической элите, высокий уровень образования, а в XVI в. такое положение было усилено политической доктриной «третьего Рима». Это объясняет сформировавшееся восприятие своего места в истории Причерноморья, которое демонстрируют эти группы сегодня. Так показательной является оценка вклада болгар в освоение степной территории Причерноморья в период Киевской Руси, которая представлена в «Обращении...» к министру образования Украины в 2010 году болгарских общин Украины.

В «Обращении...» говорится: «мы посчитали необходимым [...] обратиться к Вам с предложением [...] объективно осветить роль древних болгар в формировании древнерусской народности и созда-

ния Древнерусского государства под названием Киевский каганат, а впоследствии – Киевская Русь» [32].

Безусловно, процесс национального возрождения болгар и греков отвечал национальным интересам России, которая видела в единоверцах опору в борьбе за Балканы. В отличие от «филэллизма» (*общественно-культурное движения, которое возникло в Западной Европе*), в России идейное обоснование «покровительства» составляло значительную часть ее внешней политики. Россия, как единственная держава с общей религией, стремилась добиться международного признания своего права покровительства православным народам. Политика «покровительства» России предполагала, что как «инородцы», они получили статус «колониста» с 1819 г. и экономические льготы (*свободу от налогов, материальную помощь, землю...*), а как «единоверцы», они приравнивались к «большинству» и избавлялись от статуса «меньшинства». Это давало возможность заниматься торговлей, вступать в купеческое сословие, приобретать землю. Задунайские колонисты получили доступ к «социальным лифтам» и возможность в продвижении по службе в армии и государственном аппарате.

В Бессарабии уже в период правления фанариотов (1711 – 1821) греки представляли социально-привилегированный слой землевладельцев и купцов. Этот период романтических надежд на возрождение Византийской империи в прежнем виде, как христианского православного Царства или на создание «Новой Византии», что проявлялось в эллинизации церкви, образования, права. До 1825 г. в Бессарабии сохранялось законодательство на греческом языке [29]. Известно, что принять российское подданство было не сложно, об этом писал английский консул в Одессе в 1850 г. [45, с.55]. Представители многих фанариотские семей заняли государственные должности, получили дворянство в России. Среди них известные роды: Маврокордато, Шуцу, Ласкарисы, Ипсиланти, Панайоти, Мурузи, Маврогени, Суццо, Караджа, Ханджерлии. Однако греки стремились сохранять «двойное подданство», это было важно для международной торговли и стало удобным при организации сети тайных обществ.

Греки селились в основном в городах. Крупные общины были в Одессе, Измаиле, Килие, Аккермане. В их состав входили коммерсанты, которые занимались крупными финансовыми операциями, экспортом, посреднической торговлей. В городских переписях начала XIX в они отнесены к разряду «коренных жителей». В Одессе греческий капитал лидировал вплоть до отмены режима «Порто-Франко»

в 1858 году. Одесса стала самым большим культурным центром «греческого мира». Для греков в городе был назначен свой «попечитель» – полковник Афанасию Кес-Оглу, который распоряжался государственными средствами для обустройства и строительства церкви Святой Троицы [42]. Кроме того, как отмечает Аполлон Скальковский (1837) в 1805 году Одесского Греческое товарищество предоставило Герцогу Де-Ришелье акт в котором обязывалось для сооружения Греческой церкви вносить от каждой четверти пшеницы, которая продается за границу по 2,5 копейки [38].

В 1795 г. по данным Симона Бернштейна, греки составляли около 10 % населения города (2349 человек) [5, с.23]. А по материалам рапорта Екатеринославского военного губернатора генерал-лейтенанта Николая Бердяева императору в апреле 1797 году видно, что греки составляли более 15 % населения города [37, с. 129].

Особенностью этой диаспоры стала ее экономическая состоятельность. Одесса в период действия режима «свободного порта» была удобным офшором, где был аккумулирован капитал крупнейших фанариотских родов. Греки Одессы считаются «отцами» экономического чуда, когда за 5 десятилетий город занял 4 место в империи после Москвы, Петербурга и Варшавы.

С целью обеспечения безопасности торговых сделок греки открыли в городе две страховые компании: «Греко-Российская страховая компания» под руководством Иоанниса Дестуниса и Теодориса Серафиноса и «Компания греков – страховщиков», открытая Иоанисом Амвросиу и Ильясом Манесисом. Число влиятельных предпринимателей среди этой этнической группы достигло нескольких десятков. Самыми масштабных торговыми операциями в первой трети XIX в. выделялись Александрос Маврос, Димитриос Инглезис, Василиос Яннопулос, Ильяс Манесис, Александрос Коумбарес, Иоанис Амвросис, Димитрос Палайологос, Грегорий Маразли и др. Уже в конце второго десятилетия их общее состояние оценивалось в 10 млн руб., что позволяло причислить их к самым богатым купцам Российской Империи [30, с.48]. Фирмы Федора Родоканаки, Степана Ралли и Константина Папудова охватывали 1/5 часть всех заграничных операций в городе в 1833 – 1860 гг. [46, с. 155 – 159].

Экономическое влияние позволило грекам иметь значительное лобби в государственных органах, они сформировали культурную группу внутри городского сообщества, которая «голосовала деньгами» за развитие своей культуры и возрождение утраченного государства. Богатые греческие переселенцы жертвовали нажитые

капиталы на строительство школ и больниц, храмов и жилых домов Одессы, печатание книг, создание библиотек и музеев. В XIX веке греки 6 раз (33 года) становились во главе Одессы: Иоанн Кафеджи (в 1800–1803 годах); Иван Амвросий (в 1806–1809 и в 1821–1824 годах); Дмитрий Инглези (в 1818–1821 годах); Константин Папудов (в 1842–1845 годах); Григорий Маразли (в 1878–1896 годы). Для влиятельных византийских родов, воссоздание Византии на землях Валахии, Молдавии и Бессарабии были стратегической задачей, которая удачно сочеталась с «Греческим проектом» Екатерины II. [28]. Поэтому, организация греческой революции в основном проходила по инициативе знатных греческих родов, которые состояли на службе в различных государствах Европы и России (Дмитрий Инглези, Иоанн Каподистия, Георгиосе Маразли, Иоанниса Горголисе, Александра Ипсиланти и др.) [2, с.142].

Второй компонент греческой диаспоры – это масштабное переселение крестьян. Земледельческая колонизация пришлась на период 1775 – 1812 гг. Только с 1801 г. по 1809 г. возникло 47 греческих колоний. Причем 7 из них как греко-болгарские [11, с.15]. Такой тип поселений с «бинарной» идентичностью и сегодня можно наблюдать в Одесской области [14]. Сохранение бикультурности обусловлено этнополитическими событиями середины XX в., когда манипулирование с «выбором» доступной идентичности внутри семьи позволяло смягчить социально-политические ограничения в отношении «неблагополучных» народов [12, с.51].

В тоже время, болгарская колонизация Бессарабии носила преимущественно земледельческий характер. Она набирает силу после русско-турецких войн 1806 – 1812 и 1828 – 1829 гг. К 1835 г. в Бессарабии проживает от 60 до 80 тысяч болгар. Болгарские 57 колоний объединялись в 4 округа [4, с. 18]. Эти округа входили в состав Бессарабской конторы иностранных переселенцев при Попечительном комитете, который был первым государственным институтом для задунайских колонистов, созданный в 1818 г. [43, с.71]. Официальные документы того периода называют эти земли «Новой Болгарией» или «Малой Болгарией» («Малка България»), в которой была своя культурная «столица» – город Болград (с. Табаки) – центр Бессарабского болгарского водворения.

Хозяйственная специализация переселенцев позволяла закрепить за группой «права на присутствие», коллективное право на социальное пространство, что отражено в иконографии региона и мемориальных практиках группы. В сочетании с коллективным

действием в социальном пространстве государства это превращало группу в субъект региональной политики. Результатом первого коллективного «прошения болгар» стало назначение Ивана Инзова на пост председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России [35].

Греки и болгары к началу XIX в. сформировали разветвленную систему значимых пространств: церкви, кладбища, памятники и др. Тем не менее имея общую религию каждая имела «свой» главный сакральный центр. Центром греческой группы считают Свято-Троицкую Греческую православную церковь в Одессе (заложена 1795 г.). Перед алтарем этой церкви происходили посвящения этеристов – членов тайного общества. Сакральным центром Бессарабских болгар считается Спасо-Преображенский собор в Болграде. Его освящение 29 октября в 1838 году стал днем бессарабских болгар.

Таким образом, обе группы создали условия для сохранения этнокультурной коммуникационной системы: были открыты больницы, греческий и болгарский театры, типографии, организовано обучение для детей диаспоры. Причем греческий театр стал первым театром «греческого мира» открытым после утраты независимости [36, с. 51].

В диаспорах был обеспечен полный цикл обучения от дошкольного возраста до гимназии. Среди городских греков грамотность достигала 70% и была одна из самых высоких в регионе. Например, в Одессе работало 23 учебные заведения с греческим языком обучения. В 1816 г. на деньги греков-меценатов было открыто «Греческое торговое училище Одессы», которое использовало новаторские методы обучения и было частью проекта создания Новой Греческой Школы [26, с. 46 – 48].

Аналогичная структура возникла в среде болгар – переселенцев. В 1858 году в г. Болграде была открыта первая болгарская гимназия (сейчас *носит имя Георгия Раковского*); при гимназии был основан первый болгарский театр и типография. Обучение детей велось за счет благотворительных организаций и государственных стипендий. В отношении болгар, политика «покровительства» в России включала широкую просветительскую и социальную помощь. В критические годы войны с Османской империей в политических кругах России обсуждались проекты масштабной помощи болгарам (*вплоть до идеи русского посла в Константинополе Николая Игнатьева о переселении всех болгар в Россию*) [44, с. 99 – 119].

В начале 60-х годов XIX в. значительное количество болгарской молодежи попала на учебу в Москву и Петербург, а государство через

посредничество азиатского департамента МИД России с 1860 г. ежегодно выделял 5 тыс. рублей на стипендии болгарским студентам и перечислял значительные суммы на содержание учебных заведений на славянских окраинах Османской империи (в 1862-1864 гг. на эти цели выделено 45 тыс. рублей) [6, с. 184]. В 1862 г. в Николаеве был основан пансион для балканских славян, которым руководил Теодор Минков (*болгарский педагог и просветитель*). В 1867 – 1892 годы действовал Южнославянский пансион как частное учебное заведение, в котором получили образование более 800 человек – выходцы из южнославянских провинций Османской империи. Теодор Минков считал своим долгом дать такое образование, которое станет средством возрождения болгарской национальности [7]. Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Южнославянский пансион стал сборным пунктом для добровольцев, желавших отправиться на балканский фронт. Теодор Минков выступал координатором этого движения [7].

Известно, что воспитанниками школ на Юге России стали Христо Ботев, Найден Геров, Добри Чинтулов, Семен Ванков, Георгий Стаматов, Панайот Волов, Екатерина Каравелова, Александр Малинов и др.

В последствии, деятельность Николая Палаузова, Спиридона Палаузова Василия Априлова, Найдена Герова, Теодора Минкова заложила основы светского болгарского образования и современной болгарской школы.

Тем не менее, у болгарской группы Юга России в отличие от греков, отсутствовало лобби в органах управления. Это компенсировалось созданием большего количества этнокультурных и благотворительных организаций, которые помогали в сборе средств для беженцев, поддержке школ и церквей, в издании болгарской литературы, отправке оружия, сборе ополчения, подготовке волонтеров на Балканский фронт.

В Одессе создается первая болгарская организация, которая официально пропагандирует программу борьбы за возрождение болгарского народа – «Настоятельство одесских болгар, собирающих пожертвование по империи для бедных болгарских православных церквей и училищ» 1854 – 1899 г. Оно работает под руководством Николая Палаузова и занимается сбором пожертвований для болгарских беженцев, для церквей и школ, издает и распространяет болгарскую литературу [8]. На деньги, собранные настоятельством в Болгарии открыты 12 школ по образцу первой светской школы, уч-

режденной в Габрово на средства Палаузова и Априлова. А в 1845 г. в болгарских землях уже насчитывалось 53 болгарские народные школы. При Настоятельстве работала Комиссия по изготовлению одежды для разоренных болгар, которая действовала через русское посольство в Коснстантинополе.

Помимо этого действует: «Престовоздвиженская община сестер милосердия» как отделение «Управления Красного Креста в Одессе» в 1868 г. (здесь готовили волонтеров для участия на Балканском фронте); «Одесское Славянское благотворительное общество имени Кирила и Мефодия» 1870 г. (деятелю общества Ростиславу Фадееву приписывают разработку идеи о привлечении к военным действиям болгарских добровольцев); «Болгарское благотворительное общество» в Кишиневе 1876 г.; «Благотворительные комитеты» в Бессарабии (в 1876 г. создано 78 комитетов !). В то же время, «Греческое благотворительное общество в Одессе» было создано только в 1871 г.

В пределах диаспор происходило не только формирование новой интеллигенции, но и оформлялись представления о будущем государственного устройства. Благоприятные условия существования в России для национально-патриотической деятельности греческих и болгарских общин, привели к тому, что они стали базой национально-освободительных движений [3, с.94].

В результате переселения на территории Бессарабии и Таврии, активная часть болгарской и греческой национальной элиты получила возможность переосмысления национальных стратегий и планов. Эти планы совпадали с геополитическими интересами России на Балканах. Успешное восстание в Греции 1821 – 1832 гг. и Освободительная война в Болгарии в 1876 – 1877 гг. стали возможны благодаря целенаправленной деятельности этнических диаспор и использования их ресурсов на Юге России в Одессе и Бессарабии.

Организация греческой революции проходила по инициативе аристократических греческих родов, которые вынашивали эту идею нескольких столетий. Греки-фанариоты состояли на службе в различных государствах Европы и стремились использовать их потенциал для возрождения независимости своей Родины. Среди фанариотских семей в России: Каподистия, Маразли, Горголисе, Ипсиланти и др. Но представление о том, в какой форме должно произойти это возрождение, было различным. Аристократические фанариотские роды бывшей Византии вынашивали планы постепенного вытеснения

османов и возрождение Византии, как многонациональной христианской империи в прежних границах. Такая версия отвергалась идеологами болгарского возрождения, которые выступал за создание независимого национального государства Болгарии и мечтали о создании национальной церкви. Другая часть греческой элиты воспринимает идеи французской революции и видит возрожденную Грецию национальным государством. Такая версия развития Греции становится актуальной и по причине быстрого развития национального самосознания у балканских народов.

В XIX в. возникает обширная сеть организаций по всей Европе, которые поднимают вопросы национального самоопределения Греции. Большинство были организованы по принципу масонских лож: «Любовь к Нации» (Ионические острова); «Благодеение – Народолюбие» (Лондон), «Этерия» Ригаса (Вена); «Афина» (Москва), «Грекоязычная гостинница» (Париж) «Феникс» (Ионические острова); и др.

Если «Филомузон Этерия» в Вене действовала как «легальная касса» для нужд революции, а ложа «Овидий» в Кишиневе была занята разработкой Конституции Греческой Республики, то «Филики Этерия» образованная в Одессе должна была сформировать армию революции. Основателями одесской ложи (ее публичными лицами) были: Николас Скуфас, Эммануил Ксантос и Афанасиос Цакалов, которые мигрировали в Одессу и с 1814 года. Они вели работу среди греческих общин в городах русского Причерноморья. Членами общества были практически все крупные предприниматели и купцы Одессы [31].

Этерия воодушевляла своих членов идеалом великой французской революции, формировала мировоззрение под влиянием идей Просвещения. Православная византийская идентичность отодвигалась на дальний план. Это стало одной из причин того, что в начале 1818 года «Филики Этерия» не получила поддержку ни от Иоанна Каподистрии (канцлер республики Ионических островов и с 1809 г. министр иностранных дел России,) ни от Патриарха Константинопольского Григория V.

Общество было немногочисленно, но имело сторонников среди греческих общин в городах русского Причерноморья. Большинство членов общества были купцами, политиками, военными. Меньше всего было крестьян. Одесская эфория «Филики Этерии» руководила деятельностью других эфорий по организации отправки снаряжения и подкрепления для армии Александра Ипсиланти и в Грецию.

Греческая диаспора стала ресурсом для создания ополчения. Его возглавил Александр Ипсиланти (наследник известного фанариотского рода, который до 1806 г. правил Молдавией и Валахией).

Восстание, поднятое в феврале 1821 г. в Бессарабии, стало сигналом к национальному освобождению Греции, которое началось 25 марта. Этот день отмечается в современной Греции как День независимости. Примечательно, что восстание началось после казни турками Патриарха Константинопольского в Стамбуле, тело которого доставили в Одессу и 50 лет с 1821 по 1871 г. – мощи Григория V пребывали в Свято-Троицкой церкви. Этот факт закрепил за Одессой статус «колыбели греческой независимости».

Восстание стало началом 9 летней борьбы результатом которой было рождение национального государства. В январе 1822 г. на первом Национальном собрании в Эпидавре была принята Конституция Революции, известная как «Временное Правление Греции». Председателем Исполнительного комитета был избран Александр Маврокордатос представитель одного из самых влиятельных фанариотских родов Валахии, а в марте 1827 г. Национальное собрание выбирает Иоанна Каподистрию «правителем Греции» на семь лет. В 1830 г. 24 апреля провозглашена Независимость Греции.

Весь этот сложный период борьбы за независимость с 1821 по 1832 год в Одессе действует «Одесское греческое филантропическое общество», которое возникло из структур «Филики Этерии». Оно легально помогало беженцам и участникам восстания.

Для болгар, идея создания государственности совпала с процессом формирования национальной идеологии, церкви и самосознания. Интересы России на Балканах стали катализатором этого процесса. Однако возрождение болгар на первых этапах было тесно связано с революционным подъёмом греков. С одной стороны, значительная часть болгарских «будителей» были тесно связаны с фанариотами и этерийцами, и видели болгарское возрождения как неотъемлемую часть возрождения балканских народов: (Сафроний Врачанский, Спиридон Палаузов). С другой стороны, часть болгарской интеллигенции выступала против греческого доминирования в культуре и религии, за автономию болгарской церкви и образования (Паисий Хилендарский, Петр Берон, Неофит Рильский, Юрий Венелин, Василий Априлов, Найден Геров).

Таким образом, национально-освободительное движение болгар в 20 – 50-е годы XIX в. делало акцент на просвещении и формировании национального самосознания болгар. В 1839 г. после

обнародования султанского указа о равноправии подданных империи болгары получили возможность ходатайствовать о замещении греческих епископов болгарскими. Задача создания самостоятельной болгарской церкви (Церкви, болгарского экзархата), свободной от контроля фанариотов стало условием для формулирования задачи политической организации болгарской нации.

Оформление идеологии болгарского национализма оказалось тесно связано не только с идеями освобождения от Османского управления, но и с желанием создать болгарскую национальную церковь. Греко-болгарский конфликт османское правительство стремилось использовать с целью ослабления центробежных движений в империи.

Официальная политика Российской империи в этом вопросе была не однозначной. С одной стороны, правительство пыталось сдерживать болгар от «лишних» требований, чтобы не портить отношения с греками. С другой, отрыв части паствы от Константинопольского патриархата был на пользу России [10, с. 148]. Опасаясь усиления униатов в Болгарии, посол России в Константинополе генерал НиколайИгнатъев поддержал болгар и ходатайствовал перед Портой о благоприятном разрешении болгарского церковного вопроса. К концу 60-х гг. XIX в. Константинопольская патриархия фактически утратила реальную власть в болгарских землях.

Национально-освободительное движение в Болгарии началось, как и у греков, с создания тайных организации («завера»). Наиболее известной стала организация «Велчова завера» в Тырново против турок в 1833-1835 гг.

В 60-70-е гг. XIX в. национально-освободительное движение болгар приобрело четко организованные революционные формы. С именем Георгия Раковского связано завершение четнического этапа в национально-освободительном движении. Параллельно с группой Г. Раковского, который возглавил «Народный комитет», в 1866 г. в Румынии оформился Болгарский тайный центральный комитет. В этих организациях были составлены первые программные документы революционного движения. И только в 1869 году Василием Левски создается Внутренняя революционная организация в Болгарии и Временное правительство.

Сбор средств, подготовка материальной и демографической базы восстания, деятельность тайных комитетов тесно связаны в этот период с Бессарабией и Одессой. С этим регионом связаны жизненные пути известных деятелей болгарского возрождения: Николая

Палаузова, Василия Априлова, Райко Жинзифова, Христо Ботева, Ивана Вазова, Любена Каравелова, Георгия Раковского и др.

Подавление восстания в июне 1876 года вызвало международный резонанс и заложило основы политического признания права болгарского народа на независимость, которая стала возможной только после Русско-Турецкой войны 1877 года. Болгары были активными участниками военных действий. На службе в русской армии состояло множество офицеров болгарского происхождения, которые получили в России образование: подполковник Константин Кесяков, капитан Румен Николов, поручики Димитр Филов, Аврам Гуджев, Пенчо Шиваров, Данаил Николаев и др. В ряды ополчения были привлечены и болгарские врачи, получившие профессиональную подготовку в России: Константин Бонев, Александр Богданов, Яков Петков, Иван Панов, Константин Вязанков, Савва Мирков. В период военной компании 1877 – 1878 года многие из них влились в болгарское ополчение.

В целом, на юге России и в Бессарабии в период с конца XVII по XIX в были сформированы вооруженные военные формирования на этнической основе, где осуществлялась подготовка военных и политических кадров с перспективой использования их на Балканах: «Спартанские легионы» С. Мавромихали, сформированы на Пелопоннесе в 1770 г. [1, с. 434], они в 1779 году стали частью Греческого пехотного полка, который был задействован в охране черноморского побережья (с 1787 г. Балаклавский греческий батальон); в 1795 г. был сформирован Одесский греческий дивизион из флотилии Ламбросу Кацониса. Первым командиром дивизиона был майор Константинос Бицили [40, с. 12]. Огромное значение сыграли различные формы ополчений: Священный корпус Ипсиланти 1821 г.; Болгарское ополчение под руководство Иван Липранди 1829; Болгарские волонтеры (1853 – 1856); Болгарские легии Георгия Раковского в Белграде 1861 – 1862, 1867 – 1868 годах; Четнические отряды Стефана Караджи, Хаджи Димитра, Христо Ботева 1867 – 1868; Почетный пеший конвой – Болгарское ополчение (1877 – 1878). Военные навыки и опыт, полученные в таких формированиях, дали возможность после завоевания независимости обеспечить основу национальных армий из организованных в Бессарабии отрядов ополчения. Например, реорганизованный «Священный корпус» Ипсиланти – это первая регулярная воинская часть в современной греческой истории, а Болгарское ополчение 1877 – 1878 – стало основой армии независимого государства Болгария.

Современная мемориальная политика Болгарии и Греции в отношении Бессарабии и Северного Причерноморья направлена на поддержания памяти о значительной роли этой территории для национальной истории. Диаспоры этих этнических групп в Украине сохраняют и ретранслируют память об участии в процессе завоевания национальной независимости своими странами, о чем свидетельствуют новые мемориальные комплексы, посвященные данному периоду истории, открытые в пределах Украины (музей «Филики Этерии» в Одессе; памятники грекам-меценатам в Одессе; памятник Болгарским ополченцам в г. Болграде (на плитах высечены 225 фамилий ополченцев из местных сел); мемориальные доски Христо Ботеву, Ивану Вазову и Василию Априлову и др.).

Современные процессы демонстрируют актуальность культурного значения этих диаспор для современных Республик Болгарии и Греции. Так, например, Болгария динамично трансформирует национальную доктрину: включая в ее состав всех болгар зарубежья, иницируя право зарубежных болгар на участие в политической жизни государства. Греция поощряет своих граждан, которые занимаются меценатством в Причерноморье (за вклад развитие эллинизма, за внедрение ценностей эллинизма).

Важно, что этнические диаспоры болгар и греков в Бессарабии и Одессе продолжают восприниматься метрополиями в кризисные периоды как «этническое гнездо», где культура народа способна получить импульс для следующего этапа развития.

Анализ влияния диаспор греков и болгар Бессарабии на процессы национального строительства в Греции и Болгарии позволяет говорить о нескольких ключевых моментах. Во-первых, в обоих случаях диаспоры этих этнических групп были созданы раньше национальных государств. Именно они стали местом формирования идеологий национального возрождения, используя с этой целью исторические и этнографические аргументы. Во-вторых, диаспоры предоставили возможность интеллектуальным элитам опереться на их ресурсы (демографический и финансовый). На время подготовки национально-освободительных восстаний они стали местом подготовки кадров, в которых нуждались молодые государства (юристы, ученые, военные, чиновники). В-третьих, диаспоры стали местом создания сетевых систем родственной солидарности, на которые опирались бизнес и торговля. Это обеспечивало относительную финансовую независимость диаспорных структур через которые финансировалось освободительное движение.

Способность диаспор аккумулировать ресурсы (интеллектуальные, финансовые, демографические, дипломатические) и направлять на поддержку реализацию идеи национального самоопределения, свидетельствует о социальной и политической дееспособности этих групп. Этот факт позволяет утверждать, что, выступая в качестве субъекта политических отношений диаспоры греков и болгар в Бессарабии должны рассматриваться как часть интегрированной национальной системы своих государств, в пределах которой действуют единые механизмы обмена знаниями, смыслами и ресурсами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арш Г. Л. Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Морее // История Балкан: Век восемнадцатый. – М., 2004. – С. 422–445;

2. Арш Г. Л. Етеристское движение в России – М., 1959. – 318 с.;

3. Арш Г.Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. – 1969. – № 3. – С. 85–95.;

4. Бернштейн С. Болгарские говоры южного Буджака. Статьи и материалы по болгарской диалектологии. – М.: АН СССР. 1952. Вып. 2. – С. 5-20;

5. Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы в связи с Новороссийским краем – Одесса: Тип. Нитче, 1881. – 218 с.;

6. Болгаро-российские общественно-политические связи, 50-70-е гг. XIX в. / Отв. Ред. Б. Н. Билунов – Кишинев : Штиинца, 1986. – 265 с.;

7. Бондаренко В. «За мной остается только труд...»: жизнь и судьба великого славянского педагога Тодора Минкова (1830-1906) / [Электронный ресурс] -Режим доступа: http://nikolaev-moscow.at.ua/publ/statja_nikolaeva/istorija_goroda/todor_minkov/9-1-0-255.

8. Гребцова И. Болгарское настоятельство в системе национальных благотворительных обществ Одессы 2-й половины XIX в.: сравнительная характеристика источниковой базы. Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. / ОДУ ім. І.І. Мечникова, Іст. фак. ; гол. ред. В. Н. Станко. – Одеса, Друк, 1999. – С. 161-168.;

9. Джерела історії Південної Бессарабії (з давніх часів до кінця XIX ст.) / Упорядники: О.М. Лебеденко, Л.Ф. Циганенко та інші; відп.упорядник Н.О.Гончарова. – Ізмаїл: РВВ ІДГУ, 2013. – 191 с.;

10. Забунов И. Болгары Юга России и национальное болгарское возрождение в 50 – 70-е гг. XX в. – Кишинев: «Штиинца», 1981. – 160с.;

11. Калмакан Н. Малобуялыкские греки. 200 лет на Одесщине. Введение в историю, именные списки по данным метрических книг Иоанно-Предтеченской церкви за 1814-1833 гг., 1881-1917 гг.// Румелийское национально-культурное общество «Малый Буялык» – Одесса: Друк, 2002 – 362 с.;

12. Коч С., Самаритаки Е. Экспедиционные исследования в бывших «греко-болгарских» колониях Юг-западной Украины: предварительная публикация // Одеська болгаристика. Науковий щорічник № 3-4, 2005 – 2006 – С. 49 – 53.;

13. Коч С.В. Болгарська етнокультурна група Одеси: досвід соціокультурної адаптації. Дриновський збірник. Том 9. – Харків – Софія. 2016. – С. 128 – 135;

14. Коч С.В. Греки. Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины. Раздел 2. Очерк 5. Ред.: А.И. Киссе, А.А.Пригарин, В.Н.Станко. Одесса: PostScriptUm. СМІЛ. 2014. – С.329 – 388;

15. Коч С.В. Диаспоры Юга Украины в системе региональных геополитических отношений // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія, Філософія. Політологія. Збірник наукових праць. Випуск 4. Одеса, 2012. С. 139 – 148.;

16. Коч С.В. Динаміка етномовної ситуації на території Півдня Бессарабії в 18 – 20 ст. Європейська Хартія регіональних мов меншин: перспективи реалізації в Україні. Одеса. Друкарський дім 2008, С. 145 – 157.;

17. Коч С.В. Идентификационные стратегии на българите в Украина. // Българска етнология Год. XLII 2016 Кн. 4 БАН Институт за етнология и фолклористика с етнографски музей – БАН Тема на броя: Българите в Бессарабия и Таврия – С. 520 – 537;

18. Коч С.В. Локальная идентичность в кризисной ситуации (на материалах истории греческой диаспоры Украины) // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата государственной премии Украины академика РАЕН, профессора В.Н.Станко. – Одесса. 2012, С. 374 -383;

19. Коч С.В. Методологические проблемы этнографических исследований в городе: на примере изучения греков Измаила. Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования. Вып. 2. Отв.ред. М.А.Араджioni, Ю.Н. Лаптев. Симферополь: ВАТ «Сімферопольська міська друкарня». 2012, С.76 – 87;

21. Коч С.В. Механизм социальной презентации диаспор: этнические лобби и группы давления (на примере Одесской области) // Постфактум: историко – антропологічні студії. Етнічне, соціальне, політичне: перехрестя просторів. – № 3. – 2013. – С. 31 – 46 ;

22. Коч С.В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых» диаспор юго-западного региона Украины). Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры мира: Сб. научн. трудов. Сост. М.А. Араджиони. К.: ЧП «Золоті Ворота», 2011. С. 61 – 71;

23. Коч С.В. Субъектно-объектные отношения в процессах структурирования пограничья (на материалах исследования Бессарабии) // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского Пограничья – № 1-2, 2015 – С. 11 – 32;

24. Коч С.В. Этническое лоббирование как социальная практика в пограничье (на материалах исследования Бессарабии). Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского Пограничья – № 1–2. – 2014 – С.46 – 65;

25. Коч С.В., Пригарин А.А. Материальное воплощение этнического и проблема движения традиции // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – С. 89 – 94;

26. Кумас К. Мій друже, К.Іконому! (переписка директора греческой школы в г. Смирна) // Музей «Філікі Етерія». Історичні нариси. Каталог / Грецький фонд культури (Одеса) / Відповідальний редактор Г.Толяс. – Одеса, 2009 – С.46 – 48;

27. Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах». 22 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г, Т. XVI, 1830. – С. 313–316;

28. Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 52–78.;

29. Местные законы Бессарабии: Полный систематический сборник местных бессарабских законов Арменопула, Донича, Соборной Грамоты Маврокордато и ручной книги о браках, с позднейшими узаконениями и разъяснениями / Сост.: С.М. Гроссман. – СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1904 г. – 447 с.;

30. Морозан В. Купеческая династия Раллли в России // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. Випуск 7 – 2009 – С. 45 – 53;

31. Музей «Філікі Етерія» (Одесса). Історичні нариси. Каталог / Грецький фонд культури – Одеса, 2009 – Відповідальний редактор Г.Толяс. – 136 с.;

32. Обращение к Министру образования и науки, молодежи и спорта Украины Табачнику Д.В. 2012. Вестник Камбана. Издание на Дружество на бессарабските болгаре «Св. св. Килил и Методий». – № 4: <http://bessarabbolgar.narod.ru/kambana4-12.html>;

33. Паламарчук С. В. Територіальні структури Дунай-Дністровського межиріччя (кінець XIV – середина XVII ст.) : дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Одеський національний ун-т ім. І.І.Мечникова. – О., 2005.;

34. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. по 1830. – СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. XVI;

35. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799-1876. Т.2 Аннотированная опись дел 1818-1826 гг. 1999. Ред: О. Коновалова. – Одесса, 240 с.;

36. Про драматургію в Одесі (із енциклопедичної хроніки, опублікованої паном Мілліном у Парижі). Липень, 1818. // Музей «Філікі Етерія». Историчні нариси. Каталог /Грецький фонд культури (Одеса) – Одеса, 2009 – Відповідальний редактор Г. Толяс. – С.51.;

37. Пряхин Ю. Д. Греческие воинские формирования в истории. Одессы: причины создания, структура, решаемые задачи // Одесі – 200. – Ч. 1. – Одеса: б. и., 1994. – С. 129-131;

38. Скальковский А. Первое тридцатилетие города Одессы. 1793-1823. – Одесса: городская типография, 1837. – 296 с.;

39. Степанова Л. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50-70-е гг. XIX в Кишинев: Штиинца, 1981. – 214 с.;

40. Теохарідв Т.Ю. Грецька Військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII – поч. XIX ст. // Вісник одеської комісії краєзнавства при УАН. – Ч. 4-5. – Секція для вивчення грецької національної меншості. – Вип. 1. – Одеса, 1930. – С. 11 – 16;

41. Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – начала XX веков. (Розд. Бессарабское право). Монография – Хабаровск: Изд. ДВГУПС, 2005. – 167 с.;

42. Указ Об устройнии селения единоверных народов в городе Одессе и окрестностях оногo. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXXIII. № 17320 от 19.04.1795. СПб. 1830. – С. 686-688;

43. Федоров, Г. Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812-1917 гг.). – Кишинев: Министерство народного образования МССР, 1974 – 141 с.;

44. Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П.Игнатьев: личность, программ, тактика/ Труды института Российской истории РАН. – 2006. – № 6 – С. 99 – 119

45. Harlaftis G. A History of Greek-Owned Shipping. The Making of an international Trade Fleet, 1830 to the Present Day. – New York, 1996. – P. 55.

46. Kardasis V. Diaspora Merchants in the Black Sea / The Greeks in Southern Russia: 1775 – 1861. – New York, 2001. – P. 155 – 159.